

В начальных классах было у меня с учёбой и поведением хорошо, а с друзьями не очень. В старших стало наоборот. Был я в начальных классах робок, стеснителен и неуклюж. Что называется, книжный ребёнок, из интеллигентной семьи, воспитанный мамой и бабушкой-учительницей на классической русской литературе. Другими словами, к улице и нормальной жизни абсолютно неприспособленный. А также слабый и духом, и телом. И потому частенько попадающий в ситуации неловкие и унижительные. Помню каждую из них даже сейчас, по прошествии стольких лет. В первом классе однажды я очень хотел в туалет, но стеснялся среди всего класса встать и отпроситься. Мне казалось, что девчонки будут надо мной хихикать. Так и досидел, пока не обмочился прямо на уроке. А у нас фотография была намечена сразу после этого: групповая и индивидуальная, с букварём. Так, по причине мокрых своих штанов я фотографию не получил и был отослан домой, с позором. А девчонки, не то что хихикали, ржали как кобылы, когда учительница меня из класса за руку выводила.

Во втором классе, бежав на самый первый урок в первый же школьный день, я на полном ходу споткнулся и упал в новом школьном костюме в дорожную едкую пыль. Пришлось возвращаться домой и под вопли матери переодеваться в майку и шорты, пока она мой костюм не почистит.

В третьем классе играл я как-то с мальчишками вечером возле школы. Вдруг откуда ни возьмись вышел из-за угла здоровенный, как мне тогда казалось, пьяный мужик. Вышел на середину школьной баскетбольной площадки, где мы играли, и давай прямо при нас мочиться. Для нас это, понятное дело, развлечение, орать стали ещё больше от восторга, и вдруг кто-то из нас, самый умный, бросил в мужика камень. Попал он или нет, не помню, но только мужик рассвирепел и начал

за нами по школьному двору гоняться. Ну и кого, вы думаете, он поймал? Правильно, меня, так как бегал я плохо и был в ту пору толстоват от ежедневного употребления пирожного «Картошка», стоившего тогда в школьном буфете 22 копейки.

– Щас ты, сука, узнаешь, что такое злость, – рычит мужик и давай меня метелить.

После пары затрещин и пинка я уже валяюсь в пыли и умоляю алкаша не бить меня больше. Было мне не столько больно, сколько страшно. Алкаш, пнув меня, уже лежащего и все ещё вопящего, ещё пару раз больше для проформы, стал не спеша удаляться по направлению к оживлённой улице Ташкентской. Я всё ещё лежал в пыли и тихонько поскуливал да всхлипывал как побитая дворняжка.

– Эй, пацан, ты чё ревёшь? – вдруг оказался рядом со мной парень казах, подтянутый, в кожаной куртке. Откуда он появился, я так и не помню, только увидев след от ботинка на моей белой рубашке, парень подошёл ещё ближе.

– Ты чё, кто тебя? – наклонился парень и вдруг увидел удаляющегося мужика. – Этот? – в последний раз обратился он ко мне и после кивка бросился вдогонку за мужиком.

Помню, короткий замах перед ударом в челюсть и как страшно матерился алкаш, пытаюсь теперь уже сам подняться из пыли.

Что произошло после, я не разглядел, так как в это время бежал со всех ног со школьного двора по направлению к дому. Оставшуюся дорогу я всё допытывался у бросивших меня в минуту опасности дружков, не сломал ли мне мужик спину, и те виновато уверяли меня, что со спиной у меня всё в порядке, иначе я просто не смог бы ходить.

В пятом классе меня прямо в нашем мальчишеском туалете избili два моих же одноклассника: Длинный с Китайцем. Рожу мне «начистили» и синяк поставили под глазом, а я глотал слёзы с соплями да подвывал тихонько. Не помню уже за что, хотя эти двое мне чего-то пытались разъяснить. Как пришёл домой, мать сразу: Ох, да, ах! Да, кто и за что и где? Ни слова не сказал, так она отправила меня на выходные к матери своей, то есть моей бабушке. Та же, лиса хитрая, в доверие втёрлась, пожалела долю мою нелёгкую, ну я ей со слезами всё и рассказал. Так она матери всё по телефону и растрезвонила, хотя мне обещала, что никому ни слова, отличница ты наша сообразования! Когда вернулся я домой в воскресенье, мать меня за шкуру и домой к моим обидчикам. Поорала там, поскандалила, но вроде напугала и Длинного с Китайцем и родителей их. Хотя меня это тогда совсем не радовало, потому что знал я, что будет мне в понедельник от тех обоих за мой «донос». Пришлось школу прогуливать недели две и врать матери, как хорошо я провёл свой день.

Пока однажды вечером не пришли ко мне домой девочки из класса с запиской от встревоженной классной руководительницы. Тут уж мать расвирипела и дала мне в тот вечер основательно. Так, что школу я больше никогда не пропускал кроме как по болезни.

Вот и остались у меня с начальных классов не самые радужные воспоминания. А когда я с моим единственным другом тех лет Женькой Дмитриевым шёл понурясь на свою послеобеденную смену, нас часто встречал и провожал его сосед, старшеклассник Юрка, фразой своей замечательной: Мы отмучились, а вы идёте мучиться! Так и продолжались мои муки до самых старших классов. Там уже возраст другой подошёл, а вместе с ним и половое, так сказать, созревание.

Сейчас в прессе пишут часто «о сексе» между учителями и старшеклассниками. Тогда, в 70-80-е такие случаи были из ряда вон выходящими и абсолютно недопустимыми в большинстве алма-атинских школ. За исключением, пожалуй, нашей. В мою бытность десятиклассником я слышал по крайней мере о двух таких историях, когда 30-ти и чуть больше-летние учительницы занимались «этим» с десятиклассниками. Многие из нас про это знали, иногда от самих тех десятиклассников, обсуждали и смаковали последние слухи. В школе вообще сложно что-то утаить, особенно такие «связи». К слову, тогда многие старшеклассники и старшеклассницы выглядели как совершенно взрослые дядьки и тётки, случайно, по ошибке надевшие школьную форму.

Ускоренное половое созревание тоже сыграло свою роль во всеобщей школьной «криминализации». Во-первых, весной всегда увеличивалось количество драк. Не только Дерibasа с другими районами, но и чисто внутренних кровопролитных разборок в классах или между ними. Мужской гормон тестостерон бил «пацанам» в голову так же сильно как булыжник или «дубак» на массовом «махаче». Те гаражи, о которых я уже упоминал, становились чем-то вроде арены для множества «боёв без правил», начиная с апреля и практически ежедневно. Во-вторых, половое созревание затронуло не только «башибузуков», но и так сказать, более прогрессивную часть учащихся. Помню, как даже один наш всеми учителями любимый Отличник и комсомольский Активист писал скабрёзные записочки красавице Ирке, типа: Приходи после уроков ко мне домой, рыбок покажу... а сам при этом алчно поглядывал на её длиннющие голые ноги, выпирающие из-под стандартной школьной формы – коротенького платяца, белого или чёрного фартука и гольфов по колено. Если учесть, что, начиная с апреля девочки колготки не носили, а только гольфы, а признанные школьные красавицы и те надевали их не всегда, томительные «пытки» наши начинались с приходом каждого тёплого времени года.

Когда посреди урока каких-нибудь географии или истории, а ещё хуже физики или черчения ты видишь случайно оголившийся кусочек чьей-нибудь ляжки или белый лифчик через белую же рубашку, тебя частенько охватывало то дурное, тупящее томление, и одуревшая башка была полна порнографических картин с тобой и какой-нибудь одноклассницей в главной роли.

Признаться, в рукоблудии, понятно, боялись не только потому, что это было как-то не по-пацановски, стыдно. В СССР, как известно, секса не было. А вот его составной компонент – мастурбацию, официально и неофициально считали худшим из пороков. Кроме того, от онанизма «можно» было, согласно медицинским журналам и справочникам, «поплатиться» такими вот «страшными» заболеваниями: а) ослепнуть, б) отрастить волосы на ладони, в) заболеть сифилисом, гонореей и другими венерическими заболеваниями. Что позже оказалось полной чушью. Кроме того, считалась подобная «привычка» постыдной и среди «пацанов». С подозреваемым просто переставали здороваться за руку по причине брезгливости. Поэтому темы сексуальных фантазий среди «пацанов» не обсуждались как проявление недозволительной слабости. Общеизвестных красавиц школьных мы, как правило, побаивались. Не столько за их ослепительную внешность, сколько боялись «перейти дорогу» кому-нибудь из дерibasовских «авторитетов», уже положивших глаз

на какую-нибудь легкомысленную красотку. А вот других девчонок, помню, «зажимать» на вечеринках пытались и даже по спинам на спор гладили, причём во время уроков. Те, понятное дело, бесились, но открыто не жаловались. Слышал я и о попытках изнасилований на вечеринках, дискотеках и просто после уроков. Была в десятом классе на слуху история, когда группа «пацанов», человек пять, напросилась в гости к одной девчонке со школы, когда её родителей не было дома, и попыталась ее изнасиловать. Девчонка стала истошно орать, отбиваться, поднялся шум, соседи вызвали милицию, и группе пришлось «сваливать» из квартиры, прыгая с балкона второго этажа. Потом начались всякие допросы и дознавания, но вмешались чьи-то влиятельные родители и, кажется, девчонка заявление своё в итоге забрала.

Ш

В школьные годы у каждого из нас была кличка или прозвище, а у некоторых и две. Этимология школьных кличек может быть самая разнообразная, как предсказуемая, так и неожиданная. Дети, как известно, видят и замечают всё вокруг себя. Они незлые, просто они называют вещи своими именами и с «политической корректностью» незнакомы. Если их одноклассник толстоват, то его и называют все «жир-трестом», носит очки – соответственно «четырёхглазый» и т. п.

Давались клички и прозвища по ассоциации с именем или фамилией. Часто – по внешним признакам и физическим недостаткам. Старосту класса Маринку мы звали Муркой. Галку-отличницу за малый рост дразнили Кнопкой. Юркого Лёшку прозвали Шнырой, а друга его, высоченного Костю – Длинным. Ещё одного отличника Асхата за насмешливый прищур азиатских глаз называли иногда Китайцем. Иногда прозвища давали обидные. В футбольной команде вратарём у нас был абсолютно чумазый паренёк, которого все звали Чистым. Среди дерibasовского молодняка был ещё один тип, который всегда нарочито громко говорил и истерически смеялся. Так его прозвали Шизофреном или коротко, Шизом.

Если у учеников клички давались большинству, то учителю такую «славу» надо было заслужить. Потому клички давались учителям нелюбимым и непопулярным. Так, суровый военрук Могильный за глаза был военруком Мудильным. Ещё одного «душку», нашего бессменного физрука Владимира Васильевича за его крикливость, сварливость и летящие слюны изо рта окружающие «ласково» прозвали Варезкой. Его истошные вопли слышны были в каждом кабинете нового и старого зданий. Раскрыв свою «варезку», он просто не мог остановиться, распаяясь больше и больше. Прямо как Жириновский на заседаниях Госдумы. Говорили, что как-то на выпускном балу подвыпившие старшекласники хорошенечко его за это избили. Урок из этого Вольдемар со временем извлёк и вопил теперь избирательно, предпочитая не связываться с физически сильными старшекласниками.

Авторитетным пацанам Дерибаса и «старикам» смешные и обидные клички такого рода давать побаивались. И потому называли их уважительно-нейтрально.

Учился со мной в классе один местный авторитетный пацан Руслан Юсупов, всю школьную жизнь носивший только одну «кликуху»: Супа. Роста он был среднего, но физически развит неплохо и «шишку держал» в классе, как мы говорили о тех, кто мог физически побить любого. Ещё одну одноклассницу

Ленку Вахрушеву величали Ватрушкой по ассоциации сего кулинарного продукта и её фамилии. У Супы с ней был «роман» в десятом классе. Иногда он охотно делился с нами деталями этого романа. Будучи «пропитанным» дерибасовским духом пренебрежения к женскому полу, Супа старался показать, что для него это увлечение ничего не значит. Даже громко декламировал в классе, озорно поглядывая на свою «зазнобу»: У Руслана под подушкой (вариант: на подушке) лежит «слаа-а-адкая» Ватрушка!

Не знаю, дошло ли у них там «до подушки», но Ленка реагировала на эти куплеты болезненно, краснела и даже из класса выбегала. Хотя Супу она позже прощала, и их опять видели вместе.

Так вот, Супа любил иногда допекать слабых своих одноклассников, напоминая им, кто в доме «хозяин». Как-то в классе пятом-шестом он подкрался ко мне сзади, когда я о чём-то философском задумался на перемене, и залепил мне хорошего «леща». У меня аж в голове всё заныло и слёзы из глаз выступили. Увидев, как я скривился, он радостно заржал:

– Не спи Емеля, твоя неделя, – и отошёл довольный. Любил он такого рода «приколы».

– Супа-залупа, – пробормотал я, потирая ушибленный затылок. Надеюсь, что он не услышит. Но как всегда ошибся.

– Чё ты сказал? – его как токмо прошибло от такой моей наглости. – Да ты знаешь, что я с тобой щас сделаю?

Я, разумеется, не знал, но догадывался. Тут, к счастью, прозвенел звонок на урок, и в класс стали заходить наши ребята и девчонки. Послышался и зычный голос нашей классной руководительницы, громко созывавшей на урок отставших «бездельников». Она с секунды на секунду должна была зайти в кабинет, где мы сидели, так что Супе не оставалось ничего другого, как отложить разборательство. Что он и сделал.

– Ну ладно, козёл, после школы поговорим, – угрожающе бросил «шишкар» и отошёл к своей парте.

Голова моя всё ещё гудела, но всё больше боль вытеснял страх перед тем, что меня ожидает через какие-нибудь парочку часов, оставшихся до конца учебного дня. К концу урока страх тот перерос в настоящий ужас. Извиняться было уже поздно, в вопросах наказания Супа был неумолим. Да и «задел» я его, видать, порядочно своей неожиданно вырвавшейся рифмой. Так что оставалось либо ждать расплаты, либо – «ноги в руки» и домой. Что я и сделал, выбежав из класса через секунду после заключительного звонка. Не скажу, чтобы это сильно помогло мне, но какие-то секунды я всё же выиграл.

И вот я бегу весь в холодном поту к своему дому. За мной метрах в двухстах рысью «скачут» Супа и один из его прихлебателей. Уже подбегая к подъезду, я панически осознаю, что не успею достать ключ и открыть дверь до того, как меня схватят. Между тем, погоня приближалась быстро. Как загнанный заяц я, виляя на поворотах, залетел в подъезд, миновал такую знакомую дверь на первом этаже и, не останавливаясь, бросился вверх по лестнице. Пролетев второй этаж, замер на третьем, прислушиваясь. Только затих, как к моей двери подскочила погоня в виде толстого и злого Супы и его «адъютанта». Они начали сначала звонить, а потом тарабанить в дверь кулаками.

– Сейчас этот козёл скажет: нет, – говорит Супа своему прихлебателю.

На мгновение оба затихли, прислонив ухо к двери и прислушиваясь. Двумя этажами выше стою я ни жив, ни мёртв.

– Чё-то тихо там, не может он так быстро добежать, – продолжает

рассуждать Супа, и тут проклятый прихлебатель угодливо предлагает пойти наверх и посмотреть.

И к ужасу непомерному своему, я слышу, как они начинают бодренько топтать наверх по направлению ко мне. Так в своё время метался профессор Плейшнер из сериала «Семнадцать мгновений весны», «зажатый» в подъезде агентами гестапо. Я на цыпочках поднимаюсь на самый последний этаж и начинаю судорожно звонить во все четыре двери на площадке. Три из них предательски молчат, а из четвёртой через пару секунд высовывается сердитое лицо какой-то тётки-домохозяйки. Как будто она ждала, что кто-то позвонит в дверь. Узнав меня и прослушав мой жалобный скулёрж, что там внизу «плохие мальчишки меня обижают», домохозяйка смягчается, берёт меня за руку и ведёт вниз навстречу запыхавшимся «агентам», которые уже достигли площадки третьего этажа. Прослушав лекцию, что «драться нехорошо», они вяло кивают и уходят из подъезда, показав мне тайком большой и волосатый Супин кулак. Я благодарю свою «спасительницу», забегаю домой и запираюсь на оба замка. В окне вижу, как Супа с «адъютантом», постояв и поглазев немного на мои окна (а смотрю я на них через малюсенькую щёлочку в шторах, надеясь, что меня они не видят), разочарованно удаляются восвояси.

О, идола и кумиры наших школьных дней! Как непостоянны и коротки были дни ваши! Как за голливудской «звездой» наблюдали мы в школе стремительное восхождение очередного «классного» заводилы и столь же стремительное его падение. Кто бы мог предположить тогда в средних классах, что «звезда» Супы закатится ещё до окончания школы? Но это всё же случилось в середине десятого класса после его невыразительной драки с другим «претендентом» на школьное лидерство, вольным борцом из параллельного класса по имени Акыл. Интерес к их грядущему поединку подогревался в школьных «массах» постепенно, но неумолимо. Когда десятый класс перевалил за половину, плохо скрываемая их ревность к славе другого и явная взаимная антипатия вкупе со страхом «потерять лицо» сделали дальнейшее уклонение от поединка невозможным. Мы даже с пацанами частенько спорили на предмет, кто в школе сильнее всех: Супа или Акыл?

И вот, свершилось! Где-то в марте наступил день, когда школьный «беспроволочный телеграф» известил, что драка назначена на сегодня. Ярким тёплым днём после уроков потянулось всё мужское население первой смены от восьмого до десятого классов за школьные гаражи. Там весной обычно и происходили подобные зрелища. Шли пацаны туда парами или группами, делая «ставки» или просто предвкушая «бой века». Увы, вместо радости все испытали тогда горькое разочарование. Уже с самого начала поединка чувствовалось, что соперники откровенно побаиваются друг друга, и потому оба уделяли больше внимания защите чем нападению. После унылого топтания на месте и вялой имитации ударов последовал такой же тоскливый переход в «партер». Ещё пара минут прошла, и ничего не происходило. Бойцов, то есть борцов пришлось разнимать на исходные позиции, но их продолжало тянуть в объятия друг друга как молодых любовников. Подобная тягомотина продолжалась ещё минут пять. Мы-то все ждали, что вот-вот грянет бой! Но так и не дождались. Наконец оба бойца устали, и после тоскливейшего поединка, длившегося от силы десять минут с перерывами (один только массовый поход до места схватки занял больше времени), была объявлена ничья. Весь свой «авторитет» наши «лидеры» после той схватки потеряли.

После окончания восьмого класса состав будущего девятого «А» обновился процентов на сорок. Ушли те, кого школа и советское среднее образование посчитало «профнепригодными» на получение аттестата зрелости, то бишь окончания десяти классов. Так сказать, произошёл естественный отбор, разделив обычных мальчишек и девчонок на старшекласников и «Пушников». Среди последних был и наш с Женькой кумир и идол Павел Зуенко, здоровенный уже в том переходном возрасте парень, драчун и забияка, но в тоже время обладавший весьма острым умом и своеобразным чувством юмора.

Ещё в начальных классах мы, затаив дыхание, наблюдали битву двух тогдашних лидеров второго класса: Павла и Асы, сошедшихся в рукопашной схватке на перемене. Хотя Аса, с виду законченный бандит, был наглее и сильнее физически, Павел бился с ним на равных. Были ещё и другие бои такого рода с его участием, но окончательно он вошёл в нашу легенду, когда классе в пятом бросил «вызов» нашему учителю труда Виктору Степановичу Бусыгину по кличке «Глобус». Сходство с этим предметом урока географии Бусыгину придавала его лысая крупная голова синюшно-бордового цвета с полушариями остатков полуседых волос по бокам.

Так вот, Павел, приезжавший в школу на автобусе откуда-то из-под «нижней» части Ташкентской, был не только силён и ловок в бою, но и знал множество блатных похабных частушек и песенок и, к нашему восторгу, частенько их исполнял. Более того, он сам умел переделывать детские популярные песенки из мультиков в такую вот веселую похабень. Типа «Карусель, карусель начинаем рассказ...» И далее мат-перемат, но очень смешно. Талант, согласитесь, редчайший и весьма затребованный как среди «блатных», так и таких мальчиков из хороших семей, какими были мы с Женькой. Да и среди «приличных» девочек, как позже оказалось, было немало почитателей этого «жанра».

И вот, после третьего-четвёртого класса стали ходить мы, мальчишки, на уроки труда, а девчонки на уроки домоводства. Была у нас для уроков труда построена мастерская во внутреннем дворе школы между старым и новым зданием. Прямо под переходом с портретом Маяковского во всю стену. В качестве приобщения к труду, Глобус-Бусыгин часто заставлял нас выпиливать столярным лобзиком какую-то фигню на тоненькой дощечке. Дощечка трескалась, пилка у лобзика ломалась, пацаны пыхтели и кряхтели. Бусыгин, видя такое неуважение к столярному делу, часто злился на нас и кричал, отчего лысая и красная голова его приобретала вообще какой-то зловеще бурый цвет.

– Ну какого хрена ты давишь на эту б...дь! – нервничал Бусыгин.

– Я не давлю, – оправдывался юный «трудолюб», – она сама...

– Сама! В ж...е у сома! – ещё больше кипятился трудовик. – Положи на хер!

И в таком же духе он беседовал с большинством из нас. Нет, был Виктор Михалыч мужиком незлобным, даже добродушным. Просто он считал, что столярное мастерство доступно всем, кто хочет научиться, и только законченные придурки (вроде нас) могут лишь пилки у лобзика ломать. К тому же, по-моему, любил Степаныч «поддавать» накануне рабочего дня, что часто отражалось на его мизантропическом состоянии духа.

Вскоре повадился Павел Зуенко громко запевать перед уроками труда, как только мы всем классом заходили в мастерскую: «Не крутите пёстрый глобус, не найдёте вы на нём...» Только вместо «пёстрый» он вставлял теперь

«лысый» и выразительно бросал взгляды в сторону насупившегося с «бодуна» Бусыгина. Куплеты периодически «обновлялись» с вариантами «пьяный» или «сраный» перед словом «глобус». Песнопение сие приводило всех присутствующих (кроме трудовика) в состояние повышенной весёлости. Действительно, «нам песня строить и жить помогает». Так, пригнувшись низко-низко за нашими партами – столярными станками, Хохол и я просто «подышали» от хохота, заглушая его закрытыми ртами, и только тряслись мелко как припадочные.

– Ну-ка ты заглохни, балбес! – рыкнул как-то на поющего Павла Бусыгин. И очень неодобрительно покачав «глобусом», отошёл к своему учительскому «станку». Все присутствующие замерли в ожидании «грозы».

– У, плешивый! – вполголоса бросил Павел в полной тишине к ужасу и восторгу онемевших одноклассников.

– Я тебе щас как врежу! – заревел Глобус, опять направляясь к Павлу, краснея всё больше.

Слава Богу, что Зуенко на этот раз благоразумно промолчал.

Слава его после этого удвоилась среди одноклассников и особенно у меня с Женькой.

Когда Павел ушёл после восьмого класса, с ним вместе ушли ещё несколько хороших ребят, с которыми мы дружили с первого класса. Такие кёк Лёшка Кормилицын (кличка Кормила), Серега Кожуховский (клички Коржик, Кожух, Кореш или Варенька Корейш из какого-то рассказа то ли Толстого, то ли Тургенева). Ушёл и Серёга Гумников по кличке Челюсть, якобы выпивавшую и очень тяжёлую при ходьбе, которую мы хохоча постоянно пытались «помочь» ему поддерживать. Ушли также казахи Шакир Сулейманов по кличке Суля и Аскар Мажитов по кличке Батрак, литовец Гинтас по кличке Битлас (по причине рифмы с именем и длинных волос), уйгур Толик Ишанов по кличке Яшка, украинец Юрка Кононенко, прозванный почему-то Гансом, наверное, в силу своей блондинистой арийской внешности, и другие девчонки и мальчишки.

Клички давались по именам и фамилиям, а также по их ассоциации с литературными героями. Я уже говорил про прозвище Варька Корейш, «прилипшее» к Серёге Кожуховскому после памятного урока литературы. Но особенно «повезло» пришедшему в девятом классе Вовке Шевцову. После прочтения нами «Молодой Гвардии» Фадеева, Вовка «превратился» в Любку Шевцову. Хотя и с понятными протестами с его стороны. Напоминал он скорее Чака Норриса, чем Любку, и был такой же рыжий, здоровый и мускулистый. Я слышал, что Вовка после школы служил в Афгане, был там ранен и потерял ногу. После школы девчонки наши видели его хромавшего на протезе.

У меня, например, за десять лет школы было таких «кликух» штук пять-шесть, по две на начальные, средние и старшие классы. В первых-третьих классах это была, понятно, по близости моей фамилии, Емеля, из сказки про дурачка. Позднее «прицепилась» ко мне ещё одна из той же «оперы» после прочтения в классе детского рассказа «Емеля-охотник», кажется Некрасова, но, может быть, и того же Тургенева.

В классах постарше звали меня, с лёгкой руки друга моего Хохла, Биндюгом. «Пришло» это прозвище из Кондуита и Швамбрани Кассиля скорее из-за моей неуклюжести и нелепости на футбольном поле. Ну и закрепилось оно после бернесовской песни про Костю-моряка из кинофильма «Два бойца». Помните, когда «все биндюжники вставали»...

Кстати, Хохол, то есть Женька был никакой не хохол а половинка-наполовину русский и казах. И Хохлом его прозвали за пристрастие играть в нападении «под Олега Блохина». Он и меня к футболу приобщил и в команду пристроил, в защиту, а сам играл в нападении и довольно неплохо.

V

В начале девятого класса на место ушедших ребят пришли новые. Одни из них попали к нам из других школ после переезда в наш район. Другие пришли из расформированного за ненадобностью параллельного класса «Г». Если в начальных и средних наша школа имела четыре класса от «А» до «Г», то в старших классах осталось только три из них. Видимо, потому что ушедших после восьмилетки было больше, чем пришедших для получения аттестата. Вот и закрыли у нас девятый «Г» за ненадобностью, прислав к нам оставшихся из «счастливчиков».

Была среди новичков одна загадочная личность. Звали его Булат, он же Бала (не путать со страшным «стариком» Балой), он же позднее получил «партийную» кличку Мими. Появившись в первый день в классе на уроке, он был описан очевидцами как смуглый худенький парнишка с длинными волосами и независимо пожевывающим Бабл Гам. Как всегда, когда посреди урока приводят в класс новичка, за ним с интересом наблюдают несколько пар глаз. И вот в течение первого получаса наблюдатели с интересом обнаружили, как та жвачка каким-то образом попала изо рта паренька на его голову и окончательно «завязла» среди волос. Ещё минут через десять, отчаявшись резинку из волос освободить, новичок достал из портфеля ножницы и отрезал слипшийся клочок волос вместе со злополучной жвачкой. Так появился в нашем классе Бала.

Вскоре он «отличился» ещё раз, когда участвовал в межшкольном районном кроссе в честь годовщины Октября вокруг Дома Правительства на алма-атинской Старой Площади. Физрук «Варежка» и школьный комитет комсомола обязали всех хоть сколько-нибудь физически передвигавшихся старшеклассников защищать честь нашей школы в том праздничном марафоне. Для этого все участники должны были обежать раз десять мелкой трусцой парк возле Дома Правительства. И вот, притаившись среди «правительственных» елей, разросшихся там, наш хитроумный «бегун» Бала незаметно выскочил из укрытия, только когда все остальные участники кросса уже начинали свой последний круг. Влившись в группу лидеров, совершенно «свеженький» лжебегун торжественно пришёл к финишу одним из первых и даже получил за свою «победу» какой-то приз. К нашему общему удивлению обмана никто не заметил, так как бегуны сильно устали, а судьи в это время просто мило общались друг с другом.

Так наш пройдоха одноклассник в одночасье вознёсся к вершинам «славы». Поражённые такой наглой «подставой», но всё же гордые за отстоянную честь нашей школы, мы распевали на обратном пути оду Бале лжепобедителю, тут же на скорую руку сочинённую: Ура Бале! Бале Ура! Ура! Ура! Бала! Бала!

После школы при довольно посредственном аттестате он всё же поступил в военное училище – Алма-атинское высшее пожарное, находившееся тогда в системе МВД Казахстана. Уже будучи курсантом пожарки он навел меня дома, когда я «отлёживался» после нашей кровавой драки с курсантами

на Старой Площади 7 ноября 1983 года. Вид у меня был тогда страшный: рожа в синяках и подтёках, левый глаз заплыл и открывался наполовину, да ещё два зуба передних были вбиты назад, вверх к нёбу, и я их пытался осторожно языком втолкнуть на место, чтобы они не выпали. Посмотрев на меня, Бала покачал головой, улыбнулся и, ласково ткнув меня в щёку острым смуглым пальцем заметил:

– А тебя «погоны»-то, уби-или!

Я слышал, что в «пожарке» он надолго на задержался и через пару лет легко перевёлся в ГАИ. В последний раз я видел его уже в погонах майора милиции, патрулирующим оживлённую улицу Фурманова с полосатым жезлом гаишника. Но это было уже позже, где-то в конце 90-х.

С другой колоритной личностью, Мирзахметом, прибывшей к нам из «Г» класса, мы поначалу не очень ладили. Но постепенно друг к другу привыкли, притёрлись и очень сдружились к концу 10-го класса. Парень он был нестандартный, остроумный и готовый на любые импровизации, чтобы как-то облегчить монотонную школьную жизнь. Этакий «фонтан» идей и приколов, несмотря на несколько флегматичную внешность. Чувство юмора у нас оказалось похожим, и ржали мы в оставшееся школьное полугодие не переставая, придумывая «союзы», рисуя «газеты» и шокируя наших одноклассниц. Он тоже поступил в военное училище. Последний раз видел я его в Алма-Ате году в 96-м, «рассекавшего» на какой-то потрёпанной иномарке. Тогда-то я и узнал, что он где-то «в органах». «Посажу!» – пообещал мне Мирза на прощание и хохоча отъехал куда-то на своей иномарке. Сейчас он вроде бы где-то в Астане, новой казахской столице.

В декабре 1982 года наши девчонки решили отпраздновать приход Нового Года. Пригласили всех одноклассников домой к Галке Санниковой. Подозревая, что вечеринка выдаться скучная, мы с Мирзой решили инсценировать якобы нашу драку, а потом всем рассказать, мол, как мы вас разыграли! Задуманный план удался только наполовину, так как, когда Мирза со мной «ссорился» (я его якобы грубо перебивал во время его новогоднего тоста), у нас обоих дрожали губы от смеха, и было очень непросто не расхохотаться, чтобы довести розыгрыш до конца. В целом, шутка почти удалась, так как и у меня, и у Мирзы сразу же нашлись сторонники, и индивидуальный скандал грозил превратиться в групповой.

Отдельные непосвящённые девчонки уже приготовились было визжать, раздалось истеричное: Мальчики, не надо! Кто-то предложил вызвать милицию, а Вовка (Любка) Шевцов, не разобравшись, схватил кого-то из «дерущихся» мёртвой хваткой, повалившись с ним на пол. В общем, шуму было много, и вечер удался! Были у нас и другие забавные истории.

Отец Мирзахмета был с ним примерно одного роста и комплекции. Как-то открывает он мне дверь входную и стоит молча. В подъезде темно и дома у них темно. То есть он меня видит едва, а я же вижу только силуэт в двери. Показалось мне, что открывший дверь Мирза чем-то расстроен, и решил я его немножко развеселить.

– Что же ты испугалась, курочка моя, – говорю я ласково, – не бойся, дурачок, это я, твой петушок! – И через секунду с ужасом осознаю, что говорю не со своим одноклассником, а с его серьёзным родителем. Он кстати, мужиком с юмором оказался. Потом мне ещё иногда подмигивал озорно.

Тогда увлечение карате было почти всеобщим наравне с футболом. До видеосалонов оставалось несколько лет, но кто такие Чак Норрис и Брюс

Ли знали все. Ещё был советский артист – каратист Талгат Нигматуллин из фильма «Пираты XX века».

У нас в классе, кстати, был свой каратист Артур Хайруллин или как мы его называли Артик.

Помню, ещё в девятом классе пели мы такие вот частушки: Артик, братик, дурачок, / Откусил п...ды клочок!

И гогоча от него «сваливали». Артик, парень суровый, нас догонял и бил своими «железными» кулаками почти со всей силы в живот. Было, как говорится, смешно и больно.

Старший брат Артиковский был уже тогда студентом Алма-Атинского архитектурно-строительного института. Аббревиатура у этого вуза была замечательная ААСИ. Не такая смешная как у Алма-Атинского Государственного Художественного Института (АГХУИ), но тоже ничего. И вот в ААСИ тогда училось много приезжих из сёл и деревень, которых городские называли мамбетами. И эти мамбеты как-то обидели чем-то Артиковского брата, тоже каратиста со стажем. Занимались они этим в одной из полулегальных «школ», попасть в которую хотели многие, а могли лишь некоторые, так как были они довольно дорогие. И вот пошли мы, пацаны из десятого «А» за брата «вписываться». Сам он не дрался, так как мог легко из института за подобные дела «вылететь». Когда мы пришли в архитектурный, встретили там в коридорах брата Артика, и он нам показал своего обидчика. Слово за слово, вывели его в какой-то дворик, и давай его Артик мутузить. Тот сначала было отмахивался, но Артик его быстро подмял и всякими каратистскими пинками да ударами добил. Он часто вставал в картинные стойки и кричал что-то японское и боевое. Но нос мамбету разбил. А брат его в то время, видимо, заблудился о возможном отчислении и Артуру как тренер покрикивал. Типа: Давай Маваша Гири! Давай Майя Гири! Удары Артик наносил эффектно, что там говорить. Была, мне кажется, во всём этом какая-то «рисовка», в стойках тех, прыжках и даже в советах брата его.

Хохол, вообще так сказать, сопровождал меня по жизни почти все школьные годы. В детстве мы с ним в солдатиков играли и индейцев с «ковбойцами». Были ещё у нас хоккеи настольные: у него «покруче» из Москвы, у меня попроще, из нашего «Детского Мира». И «резались» мы с ним и Коржиком с Челюстью и другими одноклассниками в 5-6 классах в этот хоккей до посинения. Потом начали собирать вырезки из газет и журналов про советско-канадские «суперсерии» 1972-74 годов. Так увлеклись, что бритвочками стали из публичной библиотеки эти статейки вырезать и тайком под рубашкой выносить. Тогда же, классе в шестом, раздобыли мы с ним где-то пачку сигарет дешёвых по 12 копеек пачка. «Чайка» назывались. Или нашли мы её где-то или украли, сейчас и не вспомнишь. И спрятали на улице в ящике фонарного столба. Бегали после школы по кустам и «курили». Не в затык, конечно. Так, баловались. В старших классах, начиная с девятого, стали уже курить по-настоящему, а с десятого и выпивать иногда с пацанами районными. Да и анашу попробовали. Приобщились, так сказать, к «прекрасному». К середине десятого класса мы выпивать стали больше. Не до визга свинячьего, а так для настроения. Ради этого «святого» дела Хохол даже портативный свой магнитофон продал кому-то из «стариков» дерибасовских, обеспечив нас выпивкой на все весенние каникулы.

У Хохла в десятом классе родители переехали в Москву, а его оставили доучиваться здесь, в Алма-Ате. Доучивался он, живя с дядькой и тёткой, а в

основном с нами, в школе и во дворе. Или, как тогда говорили, «на районе». Ну вот, без родительского глаза, стал наш Евгений абсолютно отчаянный и неуправляемый. Курил практически на глазах у учителей, перед школой, чего мы, остальные, делать побаивались ввиду близости родителей наших, а значит и кары незамедлительной. «Училку» по истории Хохол при всём классе послал на три весёлых буквы, когда она его «достала» замечаниями, и был изгнан ею же из класса. Классная наша руководительница и завуч пытались, конечно, воздействовать на него через родителей. А родители в это время спокойненько жили в столице нашей Родины Москве. Тётка с дядькой в школу тоже вызывались, но какой с них спрос? Так он и вылезал из всех передрыг практически невредимым. Только к концу года «одумался» и начал как все «выравнивать» аттестат.

Особенно дерзким «подвигом» его стало похищение классного журнала в конце первой четверти. Чьи-то родители, одного из нашей «банды», были вызваны в школу со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Оценки были уже проставлены по итогам четверти и особого оптимизма не вызывали. И вот наш лихой хлопец Хохол, в лучших традициях разведчика Николая Кузнецова, спокойненько зашёл в учительскую, когда все учителя были на уроках, и изъял проклятый кондуит. Можно сказать, среди бела дня.

Нас всех потом допрашивали учителя, вместе и по отдельности. Никто Хохла «не сдал». Мы потом журнал этот за городом где-то сожгли, корчась при этом в диком танце свободы. В течение десятого класса к отчаянной нашей «компашке» то примыкали то отходили и другие наши одноклассники. Ну а «венцом» коллективного творчества последнего нашего школьного года стало создание и недолгое, но яркое существование одного очень интересного «союза».

VI

А не знаю, как вы, но я постоянно что-нибудь организовывал. Этакое неформально-пошловатое. И в школе, и позднее в университете. То какую-нибудь «организацию» псевдополитическую и придурковатую, то газетёнку похабную, предназначенную для смущения и возмущения женского пола и поддержки и восторга пола мужского. Начало этому было положено где-то в начале января 1983 года, когда мы, «инициативная» группа «раздолбаев» из 10-го «А» организовала сугубо неофициальный Союз Борьбы с Прочей Сволочью, сокращённо СБПС.

Для начала мы создали Устав партии и его печатный орган – газету «Параша». Редакторами стали Мирза и я. Мы же с ним практически вдвоём написали характеристики на всех «идейных» друзей и врагов, включая и самих себя.

Тогда были очень популярны «Мгновения» со Штирлицем, поэтому все характеристики и звания были описаны в духе Юлиана Семенова. Мне, например, «присвоили» почётное звание «группенфермера СС», так как родом я, согласно характеристике ЦК СБПС, составленной подлым Мирзой, был из города Чушкина близ Винницы. А полное «партийное» имя моё, согласно той же характеристике, было Котсон-Качман, Генрих Котофеевич-Охотко.

Такие вот, с позволения сказать, «характеристики» были написаны нами практически на всех одноклассников.

Ещё рисовали непристойные «натюрморты», где за тарелкой яблок или букетом цветочков полевых была мелко нарисована какая-нибудь похабщина,

типа члена мужского или собачьего совокупления. Такие картинки потом мы пытались продать возмущённым одноклассникам, выдавая их за «свободное» искусство. Пытались торговать и «высокой» поэзией. Например, такой вот лирическо-натуралистической зарисовкой про Супу:

*Раз Руслан купил себе капусту
И сварить задумал себе суп.
Пока ждал, расчёсывал свой густо
Волоснй заросший грязный пуп...*

Просили за подобные «вирши» и похабные рисунки немного: от 5 до 20 советских копеек, чтобы хоть на пачку «Примы» хватило.

А время было не то чтобы сложное, нет. После смерти Брежнева всё вроде бы шло как прежде. Может, политинформаций перед уроками стало немного больше чем раньше. Где-то там «среди взрослых» начались андроповские рейды по учреждениям и кинотеатрам с целью улучшения производственной дисциплины. Где-то там же в другом взрослом мире шла вовсю «тихая» война в Афганистане, наши ПВО-шники сбивали южнокорейский Боинг, трудящиеся осуждали на собраниях империалистов, а «комитетчики» и менты выясняли между собой, кто сильнее.

В нашем же мире всё как будто застыло и заиклилось. Годами позже, я прочитал автобиографическую книгу скандального «Эдички» Лимонова, так он тоже со своими друзьями-балбесами играли в Харькове в «сионистов» и «эсэсовцев».

Первой и единственной акцией Союза стала организация «бунта» и пение Интернационала на уроке биологии. Почему мы выбрали именно урок биологии из кабинета №14 на втором этаже возле Актового зала, имеется несколько версий. По одной из них, наша учительница биологии Лидия Петровна пересадила на предыдущих уроках кое-кого из нашего класса за другие парты. Про неё, биологичку, ходила тогда в школе частушка:

*Гром гремит
Земля трясётся.
Это Лидия несётся.
На высоких каблуках
И с «Ботаникой» в руках.*

Была она, кстати, неплохой «училкой», в меру строгой и в меру справедливой. Так вот, кое-кому такая «пересадка» её не понравилась. Потому после звонка мы не уселись как все за парты, а продолжали стоять и петь Интернационал. Хотя остались стоять только нас трое, да Галка Санникова ещё присоединилась. То, что она это сделала, нас искренне поразило, так как накануне этого Бала незаметно привязал её косу к стулу, на котором она сидела. Когда же её вызвали, она естественно встать не смогла, мы стали ржать как обычно, а она покраснела, «пару» и выговор получила, но нас никого тогда не выдала.

Теперь же Бала с невинным видом сел, подлый ренегат, а Галка с нами героически осталась стоять и даже петь.

Лидия Петровна сперва растерялась, но, будучи учителем опытным, в истерику не впала, быстро опомнилась и вызвала завуча с директором.

В итоге нам четверым был выставлен «неуд» по поведению за четверть и двойка по самому предмету. СБПС как организация, не склонная к физическому насилию, решила было Бале, Артику и другим «ренегатам» просто

объявить бойкот и из своих рядов исключить. Но тут появился отсутствующий на злополучном том уроке биологии Супа. Тогда он ещё держал «шишку» в нашем классе (до схватки с Акулам) и потому настоял, чтобы отступники Мужского рода понесли более суровое, так сказать физическое наказание.

И в тот же день после урока военной подготовки произошла групповая расправа, то есть наказание всех членов СБПСа и примкнувшего к ним Супы над Артиком и Балой. То есть, проще говоря, получили они... Бала и Артик были также торжественно из СБПСа изгнаны, хотя Балу после его долгих извинений и клятв неделю спустя всё же приняли обратно с испытательным сроком.

Это была самая громкая и, пожалуй, единственная акция СБПСа, который незаметно сам собой забылся и распался до завершения учебного года. Наше счастье, что учителя по своей лени и инертности не придали этой акции политический смысл (которого не было, а была лишь подростковая дурь) и не вовлекли в это дело милицию и родителей.

А то бы было как у Саша Панкратова в романе «Дети Арбата»: казённый дом и долгая дорога. Хотя время было уже несталинское. Брежнев умрёт через месяц, а Андропов ещё не начал следить за дисциплиной.

VII

Положа руку на сердце, не припомню я никого из моих учителей старших классов, уроки которых я бы любил и стремился на них показать себя. Может быть, кроме Зои Фёдоровны, пожилой учительницы литературы и русского языка. Литературу я любил, а русский язык нет за обилие в нём правил, которые надо было зазубривать. Но Зоя Фёдоровна в силу своих лет и учительского опыта на нас не давила, а пыталась пробудить интерес, мастерски лавируя при этом среди тоскливой массы обязательной советской литературы для старшекласников. На её уроках в силу её доброты я даже старался быть активным и домашнее задание делал добросовестно. Мы её даже как-то навещали дома, когда она ушла на пенсию в конце нашего последнего года.

Несколько хороших учителей ушли после нашего восьмого класса, такие как наши бывшие классные Анна Ивановна и, особенно, Людмила Калистратовна, которая ушла вскоре преподавать в соседней 90-й школе. Хоть была она шумная и строгая, мы все к ней относились хорошо. Была ЛК из той породы учителей, воспитанных ещё в сталинское время, которые детей школьных любили как своих собственных. Она и сейчас нас помнит, как мне рассказали одноклассницы, и даже помнит дом, в котором я жил тогда. Помнит многих из нашего класса и ещё сотни других бывших отличников, хорошистов, оборотов и всех тех, кому такие как она всю свою жизнь отдали. Но таких, повторюсь, было у нас к десятому году обучения либо очень мало, либо не было вообще. Может быть, и нехватка хороших учителей также повлияла на факт закрытия нашей школы в начале 90-х?

Основной же учительский корпус 41-й школы в 1982-83 годах казался мне в лучшем случае равнодушно-терпеливым, в худшем, враждебно-активным. В современных фильмах показывают иногда, как подросток, растерянный и запутавшийся в сложных дебрях учебно-образовательного процесса, отдыхает душой на уроках физкультуры под руководством душевного и понимающего тренера. Или же вдохновенно строгаёт что-то на слесарно-токарном станке «под крылом» строгого, но мудрого и справедливого «трудолика». Что

тут скажешь, вспоминая вопли и летучую слюну из вечно распахнутого рта нашего физрука Варежки или угрюмый мат Глобуса.

На уроках по начальной военной подготовке (НВП) у майора в отставке Могильного был интересен процесс разбора и сбора автомата Калашникова и редкие стрельбы в разных тирах Алма-Аты. В самом конце школы мы даже поехали куда-то на другой конец города, в роццу Баума, чтобы каждый ученик мог дать свои обязательные очереди из АК-74. Мои все ушли в «молоко», но сам процесс понравился. А вот о военруке, кроме фамилии и строгости его показательной, воспоминаний и не осталось.

Конечно, были у нас в классе и экскурсии, и поездки, и вечера школьные и классные. Выпускной нам организовали неплохой, с шампанским и походом на Кок-Тюбе. В середине десятого класса группа одноклассников ездила на поезде в Ленинград и Прибалтику недели на две-три вместе с классной руководительницей Татьяной Дмитриевной, которую за глаза называли Т.Д.С. или просто Татьяна. Судя по свидетельствам очевидцев, поездка получилась неплохая, хотя питались они там довольно скудно. Особенно в поезде: варёные яйца, овощи, рыба, немного хлеба, чай.

И так трое суток от Алма-Аты до Ленинграда, не вылезая из вагона. Вылетевшая в начале поездки невинная, казалось бы, фраза Маринки (Мурки) за завтраком: мальчики, вам почистить яйца? – была воспринята мужской половиной участников поездки явно неоднозначно и сопровождалась громовым хохотом до самой северной столицы. Зловредный Асхантай пытался позднее в своей интерпретации поменять слова «почистить» на «почесать», но был с позором разоблачён. Тем не менее, несмотря на трудности, класс в той поездке сдружился. Если бы мы поехали туда с Хохлом и Мирзой, может быть, не было бы между нами и Татьяной такого непонимания, переросшего во взаимную неприязнь, сильно прогрессировавшую к концу учебного года? Кто знает, кто знает...

Справедливости ради, по прошествии стольких лет я признаю, что любить нас, особенно нашу «четвёрку» было ей не за что. Если бы я был учителем, разве любил бы я вечно хихикающих, придурковатых и абсолютно неуправляемых подростков? Разве можно полюбить Бивиса с Баттхедом, если смотреть их не по телевизору, а иметь в собственном классе? Из всей придуманной школы их не то что любил, а терпел и всё надеялся перевоспитать только один педагог, бывший «хиппи» Ван Дриссен. Да и то потому что был сам чудакват. В обстановке советской школы «позднего социализма» таких учителей к детям не подпускали. Всё, от школьной программы до подбора педагогов решало всесильное Горono и Министерство Образования. Как и во всей советской планированной экономике и партийной политике двух мнений быть не могло. Шаг вправо, шаг влево и так далее...

Но вернёмся к учителям нашей 41-ой школы. Основную массу их я не любил и в памяти своей не оставил. Может быть, потому что не был ни у кого любимчиком, как и большинство моих школьных товарищей.

Между тем у каждого из учителей такие любимчики были, которых они и тянули (в обмен на цветы и конфеты) на медаль или очень хороший аттестат. Вторым вспомогательным эшелонem здесь шёл родительский комитет, составленный из родителей таких вот любимчиков.

Благодарные родители дарили нашей классной то цветочки, то конфетки шоколадные в красивой коробочке, а то и розовую импортную «комбинацию». Причём, делалось это открыто, на глазах у других, не столь имущих,

родителей. Со временем такие «подарочные» ученики и ученицы выправляли оценки по алгебре и геометрии, которые наша классная преподавала. Что было плохого, забывалось, и ряды любимчиков пополнялись.

Ей богу, лучше бы она пошла работать в младшие классы! Старшеклассники, они ведь как звери дикие, в лес смотрят да укусить норовят. С ними опыт нужен учительский и просто жизненный, и огромное терпение, да ещё душевная уравновешенность. Или держать их в повиновении просто на страхе, на «стальном» взгляде и громовом голосе. Ими сполна обладал наш бывший директор и заодно учитель математики в средних классах Гриф Тимурович Хайруллин, кстати отец нашего одноклассника – каратиста Артура, Артика. Был у Хайруллина старшего тяжёлый немигающий взгляд из-под очков и громовой раскат баса, когда был он не в духе. Мы на его уроках боялись пукнуть, фигурально выражаясь, чтобы его не разозлить. Сыну он своему, кстати, поблажек не делал, а гонял его больше всех остальных. Даже прилюдно дураком обозвал, когда тот у доски ответить не мог правильно. А как умел Гриф Тимурович мелом стучать о доску, когда раздражался, что мы его не понимаем! Я всерьёз опасался, что доска не выдержит и пойдёт трещинами.

Так вот, ничего такого у Татьяны Дмитриевны тогда не было. Мы продолжали её вяло «изводить» своими смешочками, девчонки на нас за это злились и даже бойкотировали, а Татьяна рыдала, бесилась и мстила нам тем, что без устали поносила нас на собраниях родителей. И способностей у меня нет особенных, и поведение хуже некуда, да и вообще... Обычно такие неприятные вещи говорят родителям не прилюдно, а наедине, чтобы родителей не позорить и в то же время держать их на своей стороне. Однако эти педагогические «фокусы» Татьяна, видимо, сознательно игнорировала и продолжала активно хаять меня, Мирзахмета и ещё пару человек. Но особенно нас двоих. К концу учебного года мать моя ходить на родительские собрания перестала вообще, как и ещё несколько родителей.

Уже после окончания школы, летом 1985-го, я встретил нашу бывшую классную в автобусе вечером. Я только закончил первый курс журфака КазГУ и с двумя приятелями ехал навестить однокурсницу куда-то в район вокзала Алма-Ата 1. Увидев меня в стройотрядовской студенческой форме, Татьяна очень удивилась. Она никак не предполагала, что я попаду в университет. Скорее она меня представляла в тюремной робе или ватнике зековском.

VIII

Когда летом 83-го мы возвращались под утро с выпускного бала, то оживлённо обсуждали дату следующей нашей встречи, назначенной в итоге на 5 июня 1991 года. На неё, кстати, через семь лет после окончания пришёл только Евгений. К тому времени, школа наша уже была закрыта, так что, подождав час-полтора, он никого не дождался и ушёл. Хотя трястись от страха перед «светлым» будущим мы начинали уже тогда, с приближением весны 1983 года.

Родители уже всю суетились, «прощупывая почву» сначала в школе, а потом уже в выбранном вузе.

Меня родители «агитировали» поступать в медицинский, даже репетиторов наняли по физике и химии. И начал я ближе к выпускным экзаменам от своих школьных дружков прятаться. Говорил им, что иду на свидание, а сам в парк с учебником или в библиотеку – заниматься.

Впрочем, ни репетиторы, ни занятия самостоятельные мне не помогли, и на экзаменах я в то лето 1983 года благополучно «срезался». Да я и не шибко рвался стать врачом тогда.

Пришлось работать сначала лаборантом в том же мединституте, а когда меня оттуда поперли за опоздания, устроился я помощником геодезиста. Работа у меня была классная – палку двухметровую таскать по ямам и ухабам, пока мой напарник-инженер делал замеры на уровни всякие для новостроек. Так и протаскал эту палку в дождь и снег до следующего лета, пока не поступил на факультет журналистики КазГУ.

Тем временем Хохол ушёл в армию, став москвичом, и призвался служить не куда-нибудь, а в часть внутренних войск под Алма-Атой. Мирза и Супа поехали после выпускного в Ярославль, поступать в военно-финансовое училище. Мирза поступил, а Супа нет, вернулся злой, разочарованный и тоже пошёл работать куда-то в автопарк. Бала поступил в Алма-Атинское пожарное училище в системе МВД и после окончания перевёлся в ГАИ.

Разлетелись и другие бывшие одноклассники. Староста Маринка «Мурка» – в филиал Джамбульского технологического по лёгкой промышленности, Галка Санникова со второй попытки прошла в Алма-Атинский медицинский, куда и я в то лето не попал.

Отличник Асхат уехал «покорять» Бауманку в Москве, а друг его Костя «бундовец» – Алма-атинский энергетический. Возвращаясь к Хохлу, добавлю, что после армии он с Алма-Атой связи не потерял и поступил в Казахский Педагогический институт и даже «директорствовал» в нашей школе на студенческой практике. Сейчас он живёт в Москве, работает деканом в одном негосударственном вузе, защитил диссертацию, профессор. Со временем практически все как-то устроились в жизни. Спасибо учителям! Те хоть нам не помогали особо, так хоть на выпускных экзаменах не «зверствовали».

И потому в то утро после выпускного бала жизнь впереди казалось длинной и увлекательной. Сейчас то время, первые послебрежневские годы, вообще кажутся более добрыми и человечными чем последующие.

Может быть, из-за возраста своего максималистского мы бежали тогда из школы и детства нашего наивного без оглядки, чтобы сейчас попытаться вернуться, найти старых друзей, одноклассников, учителей. Родившихся в середине 60-х, в расцвет «застоя», многие в «неблагополучных» семьях без отца, мы формировались как личности в 80-ые и были очень наивные и «чистые». Затем пришли «лихие» девяностые, когда жить стало страшно. За ними «мёртвые» нулевые, где «потерялись» мы как поколение, да и последующие «миллениумы» уже на пятки наступали. Единственно чистым «пятном» прожитой жизни у многих из нас осталась, как ни странно, наша школа со всеми её недостатками и пороками 80-х. С ней нас связывает наше общее прошлое. Оно и сейчас нас многих объединяет.

Выпускники 41-ой алма-атинской школы живут сейчас не только в Казахстане, но и в России, Канаде, Германии, США, Израиле и многих других странах. На сайте 41-ой школы в Моём Мире я насчитал более трёхсот выпускников. Видел в Интернете сайт, где подписались аж 720 выпускников из 41-й! Пара-другая сотен наберётся в Одноклассниках, неизвестно, сколько ещё в Фейсбуке и Твиттере. Жаль, что не доведётся более побывать в том стареньком здании на Коммунистическом и Ташкентской. И учителей там старых не встретишь уже более, и стены там уже другие, и номер другой. Не будешь же объяснять «лицеистам» из 147-го учебного заведения, что мы, мол,

здесь когда-то учились. Даже те из одноклассников, кто всё ещё живёт поблизости, появляется там, может быть, раз в несколько лет. На выборах или в этом роде. Как будто её украли у нас, тогда, в начале 90-х. Только память о ней и осталась.

А как всё хорошо начиналось! Наш 3-й «А» с классной Анной Ивановной. 1976 год

А это с Ольгой Петровной. 5-й «А». 1978 год

Нам не нужна война! 23 февраля 1974 года. 1-й «А» класс

Выпуск 8-й «А». В центре наша классная руководительница Людмила Калистратовна. Она потом ушла в соседнюю 90-ую школу. 1981 год

Позади восьмой класс – можно расслабиться...

А это очередная экскурсия перед концом 8-го класса. 1981 год

*На экскурсии:
других посмотреть – себя
показать. 8-й «А». 1981 год*

*Дом «моделей»
8-го «А» класса.
1981 год*

*Ленинградская
поездка. Третья
справа Т.Д.С.
На берегах Невы.
Январь 1983 года*

Ленинградская поездка. Пора домой. Январь 1983 года

*Пока одни «вкалывают»
на овощебазе...*

Другие «прохлаждаются» в горах...

*Наши лучшие друзья. Маринка М. и Галка С. очень помогли нам с материалами
для книги. Да и вообще на протяжении всех школьных лет.*